

**Советский человек в постсоветском
обществе: трансформация
массового сознания**

Выпуск **13**

**Советский человек
в постсоветском обществе:
трансформация массового
сознания**

МОСКВА 2009

Под редакцией А.А. Хохлова

Советский человек в постсоветском обществе: трансформация массового сознания. — М. : Ключ-С, 2009. — 24 с. — (Библиотека института «Справедливый мир» : вып. 13).

В сборнике публикуются выступления участников круглого стола «Советский человек в постсоветском обществе: трансформация массового сознания», который состоялся в Москве 28 ноября 2008 года по инициативе института «Справедливый мир».

На круглом столе в самых разных аспектах анализировались плюсы и минусы советского наследия, реалий постсоветского пространства.

ВСТУПЛЕНИЕ

28 ноября 2008 года в институте «Справедливый мир» прошел круглый стол: «Советский человек в постсоветском обществе: трансформация массового сознания».

Каким был советский человек в его многообразных проявлениях, какие трансформации претерпевал в советское и постсоветское время, сохранится ли этот феномен в исторической перспективе?

Появился ли в новейшее время в России новый тип личности, каковы его характерные черты — на эти и многие другие вопросы пытались ответить участники круглого стола.

Основной доклад и выступления участников дискуссии публикуются с некоторыми сокращениями.

Авторские стили изложения выступлений участников дискуссии — сохранены.

Евгения Гальникова

Сотрудник Государственного института искусствознания, кандидат наук, автор книги «Советская культура в движении»

Советская культура не была приложением к идеологии. Всегда несла в себе нечто большее, что способна вместить любая идеологическая схема. И никогда советская культура не утрачивала своих связей с дореволюционной культурой и с мировой культурой. На мой взгляд, благодаря нашему культурному универсализму мы во многом преодолеваем драматические моменты нашей истории. Идем дальше, пускай к следующим драматическим моментам, но в любом случае это общество, которое избегает стагнации и замкнутости.

Перестройка, начавшаяся на рубеже 1985–1986 годов, была подготовлена десятилетиями социокультурного развития советского общества, советского человека, советской культуры.

Не по одному сценарию, так по другому, а фактическая смена уклада у нас все равно состоялась бы. Можно утверждать, что культурная открытость советского человека навстречу всему остальному миру, во-первых, никогда не исчезала в период советской власти, а во-вторых, она неуклонно нарастала.

Страна вступила после революции в новые общественно-экономические отношения сразу после эпохи бурного культурного единения с Западом. Воздвижению железного занавеса предшествовали фантастически интенсивные культурные контакты Запада и России.

Дягилев со своими русскими сезонами в Париже.

Гордон Крэг со своим сложным сотрудничеством с Художественным театром и работой здесь над постановкой «Гамлета».

Айседора Дункан с ее наездами в Россию и браком с Сергеем Есениным.

Горький на Капри был превращен в своего рода миф.

Поездки многих советских представителей искусства и культуры в США, в том числе того же Горького, Маяковского и пр.

Неоднократные гастроли в Европе и США Художественного театра, гастроли в Европе «Камерного театра», репертуар которого на 90% состоял из произведений мировой драматургии.

Русский авангард развивался параллельно с западноевропейским авангардом, дышал с ним одним воздухом, — и авангард западной Европы питался нашей атмосферой революционности.

Мы не были подражателями или заимствователями. Мы были лидерами авангарда. Мы были лидерами и в области совершенствования и углубления реалистического театра, абсолютной вершиной которого стал психологический реализм художественного театра. Режиссеры театров глубоко постигали лучших драматургов реформаторов западного театра. Будь то Ибсен, Кауфман или Метерлинк.

Как же все это взять и в одночасье забыть! Еще живы поколения тех, кто все это пережил и знает не понаслышке.

Инерция сращенности отечественной культуры с западноевропейской — в качестве полноправной великой части мировой культуры — продолжала брать свое и в 30-е годы. Об этом свидетельствует разнообразие апелляций к зарубежной культуре, которое никогда не ослабевало.

Открываем журналы 30-х годов — каких только шедевров европейского искусства, японского, китайского, какого угодно там ни увидишь в качестве репродукций. Какими бы идеологически строгими не были комментарии, а обилие эстетической информации, особенно визуальной информации, всегда обладает самоценностью и силой автономного художественного воздействия. То же самое можно сказать о десятках, а в послевоенный период и о сотнях экранизаций и телеэкранизаций зарубежной литературы, в том числе классики. Большинство этих произведений несли в себе, прежде всего, общечеловеческое гуманистическое содержание, часто универсальные романтические модели сюжетов и характеров. И это перекрывало любое классовое содержание, которое следовало учитывать.

Хотелось бы отметить общий российский культуроцентризм, который даже советская власть переняла по ментальному наследству.

В чем искала и находила опору советская идеология? В русской классике. Ее подвергали идеологической интерпретации, упрощали, обрезами, — но цитировали, ее изучали в школе, когда многие лейтмотивы и образы незрелое, полудетское сознание считывает и фиксирует в памяти автоматически, спонтанно, отдельно от идеологических клише.

А чему реально учит русская классика? Прежде всего — бездонности, сложности жизни, бескрайнему драматизму общественного бытия и бытия личности.

Именно литературный XIX век создает такую модель сюжета, которая показывает, что подлинные большие конфликты не разрешимы, не исчерпаемы. Никакие катастрофы и смерти не могут их изжить и искупить. Чацкий уезжает, Раскольников сознается в содеянном, Евгений Онегин влюбляется в отвергающую его Татьяну, бросается в Волгу Катерина. Конфликты, обнаруженные и обостренные героями до предела, никуда не исчезают, конфликты остаются, чтобы читатель жил с ощущением их присутствия.

Герои русской классики — всегда сложные, парадоксальные личности. Хандрящие, язвящие, философствующие, юродствующие, часто сильные своею слабостью. Это уникальные индивидуальности, выламывающиеся из своих классов, слоев и страт. Это великие неправильные люди, великие лишние люди, великие маленькие человеки.

Надо ли говорить, что такие образы абсолютно противоположны схеме советского человека, советского героя и такой образ конфликта, и такой образ личности в корне противоречат советскому началу как таковому, если иметь в виду официальную идеологию? Надо ли долго доказывать, что восприятие такого искусства делает всех мало-мальски восприимчивых людей на порядок свободнее в своих суждениях о мире, нежели это было выгодно советской идеологии? И как же могли пропустить в школьную программу все это?

Дело, думается, не в идеологической самоуверенности или наивности, а в том, что советские идеологи были тоже люди плоть от плоти российской культуры. И какая-то часть их российского сознания убеж-

дала все остальные элементы их же советского сознания, что великое надо знать и что это знание важнее идеологических нестыкровок.

Недавно театровед Владислав Иванов написал о легендарном спектакле МХАТА «Анна Каренина» с Тарасовой, во многом расходившемся с идеологическими клише того времени. Советская власть, когда хотела, умела не замечать этих расхождений, поднимая на щит спектакль, объявляя его высоким достижением советской культуры. Хотя Анна Каренина разбивала ту самую ячейку общества — семью, которую в то время особенно сильно старалась укрепить партия. Вот в этом умении не замечать расхождения есть и умение давать жить расхождениям, если совпадает идеологическое зерно.

Глубинная лояльность советской идеологии классики дает свои всходы. Начиная с середины 50-х годов у нас уже снимают экранизации классики не про дореволюционный старый мир — не «про них». Снимают все больше про своих и про себя, ища и находя нечто родственное современному человеку, живущему в советский период. Дистанция, которая была воздвигнута на первых этапах освоения советских позиций до советского культурного опыта, постепенно исчезает. Наступает период духовного воссоединения с центральными героями классических произведений, будь то Дон Кихот в исполнении Николая Черкасова или князь Мышкин в исполнении Юрия Яковлева, арап Петра Великого в исполнении Владимира Высоцкого, Обломов в исполнении Олега Табакова, чеховский Платонов в исполнении Александра Калягина... Наша культура постепенновоссоединяется со сложными противоречивыми личностями и узнает в сложном, несовершенном мире прошлого черты собственной современности.

Пока автоматически с трибун съездов и партсобраний произносятся слова о коммунизме, в искусстве, начиная с конца 50-х годов, всюду происходит эстетический отказ от образа абстрактного, заранее оговоренного и спрогнозированного светлого будущего ради культа текущего мгновения, незавершенного настоящего. Свое личное настоящее, зыбкое сейчас, свое интимное стало во стократ важнее того грандиоза, которое будет лет через 200—300 при коммунизме.

Эстетика отменила идею коммунизма гораздо раньше, чем эта идея была отменена обществом.

Это очевидно при внимательном взгляде на кино 60–70-х — эскизное, зыбкое, в котором так важна атмосфера неповторимого момента. Это особенно характерно для творчества Марлена Хуциева и Георгия Данелии, камерных картин Никиты Михалкова, Иосифа Хейфица, Юлия Райзмана и т.д. На вес золота ценится не умение лично проинтерпретировать советский канон, но создать свой мир, даже не обязательно совсем уж неповторимый, но обязательно личностно прочувствованный, переполненный жадой бегства от клише.

Образы рабочего или крестьянина утрачивают свою прямую социальную интерпретацию — это теперь символы простого душевного человека, а простого и душевного — это значит незаидеологизированного, не замутненного, не попорченного ложными ценностями. Такие люди наращивают свою притягательность, которая возрастает от пятилетия к пятилетию, и возводят таких героев в разряд идеальных, мечтаемых в качестве любимых мужчин и в качестве верных друзей и соратников. Причем даже этическая двойственность им прощается и трактуется скорее в положительно оправдательном ключе, как доказательство доподлинности их человеческой неходульности, неофициальности. От абсолютно положительных простых работяг из фильмов «Дело Румянцева», «Живет такой парень», «Друг мой Колька», «Печки-лавочки» вектор развития образа ведет к нравственно амбивалентным героям «Калины красной», «Афони», «Любимой женщины механика Гаврилова», «Трын-травы» и, наконец, интеллигенту Гоше в «Москва слезам не верит».

К 1960-м годам изрядно ослабевает вера искусства в советские ценности коллективизма, опирающегося на исконно российскую патриархальность. В последний период существования СССР в кино то и дело возникают негативные образы человеческих сообществ, будь то бандитская малина в «Калине красной» (1973) или в «Месте встречи...» (1979), собрание кооперативщиков в «Гараже» (1979), коллективы сослуживцев в «Служебном романе» (1977) и «Полетах

во сне и наяву» (1982). И даже в целом ряде популярных картин, от «Самой обаятельной и привлекательной» (1985) до «Прохиндиады, или Бега на месте» (1984), коллективы являют собой своего рода фикцию, превращаясь из сплоченного и организованного человеческого множества в парад человеческого несовершенства, в набор лиц, объединенных лишь пребыванием в одном кабинете в течение рабочего дня. От драмы школьной любви в «А если это любовь?» (1961) вплоть до жестокой нравственной драмы в «Чучеле» (1983) идеи коллектива развенчиваются самыми разными художниками.

В эпоху разочарования в коллективизме возникает культ разведчика-одиночки, вынужденно оторванного от любых коллективов советского образца. Можно предположить, что Штирлиц своей популярностью во многом обязан слиянию в себе патриотизма и свободы от советского начальства и советского быта. Все в Штирлице, от внешности до манеры поведения, указывает на то, что он, скорее всего, никогда не жил на территории СССР и не знает, что такое практика советского житья-бытья.

Этически безупречный советский человек и самый популярный после Чапаева герой анекдотов Штирлиц оказывается абсолютно не советским человеком по целому комплексу психологических поведенческих свойств и эстетических доминант.

С самого начала в советской культуре сосуществуют две линии. Рядом с мобилизационно-жертвенной развивается линия развлекательно-приобретательской культуры, культуры, ориентированной на наслаждение, удовольствие, эстетическую компенсацию жертвованного или недополученного. И с самого начала эта вторая линия весьма сильна. Первая, мобилизационная линия после 50-х годов становится все более слабой, формальной и все менее эстетически выразительной. Лирика революции, восстановления хозяйства, созидания промышленности, покорения целины, глобальных строек, перевыполнений плана, народного энтузиазма вырождается в обязательку субботников, сдачу профсоюзных взносов и сборы макулатуры, в никак неощутимое шефство, в мирное фланирование дружинников, гуляющих с красными повязками ради отгулов.

Но рестораны и курорты, позже дискотеки и прочие элементы жизни, аналогичные загнивающему капиталистическому бытию, как были любимы народом, вожделенны и востребованы, так и остались таковыми. Толкучки у комиссионных, у «Березок», нелегальный рынок зарубежного ширпотреба, всяческая фарцовка дошла до своего расцвета. Развлекательно-приобретательская линия крепнет и стремится обрести все большую свободу от прямых идеологических клише в нагрузку.

Своими силами обеспечить потребности общества в развлекательности мы были все равно не в состоянии, и отсюда берет свои корни крепнувший и доходящий до маниакальности культ зарубежного кино и зарубежной эстрады. В фильмах 30-х годов советские женщины ходят в модных платьях европейского покроя и элегантности. И переодеваются так же часто, как в Голливуде. В 70-х годах советские героини облачаются в американские джинсы. Вот это и есть эстетическая отмена «железного занавеса». Возникает образ человека, не похожего на советского человека первой половины существования советского общества. Зато очень похожего на модного человека, на современника, который существует в Западной Европе и Америке. И в то же время рождается человек с эстетическими идеалами, родственными западному миру, которые удовлетворяются полностью адекватно лишь с помощью капиталистического производства и инфраструктуры. Рождается спрос на плоды общества потребления, на стиль общества потребления, и рождается это гораздо раньше, чем общество потребления приходит к нам. Гораздо тяжелее обстоит дело с готовностью опять же чем-то жертвовать, что-то менять в себе ради созидания этого самого капиталистического хозяйствования.

В последние два десятилетия советского уклада происходит формирование эстетических идеалов и потребностей, адекватно удовлетворить которые невозможно в рамках социалистического производства и образа жизни. В то же время свою актуальность по-прежнему сохраняют многие духовные ценности и представления советского типа. Вступление России в рыночные отношения не могло

полностью отменить нашего культуроцентризма, элементов патриархальности в семейных взаимоотношениях, социальных привычек.

Максим Артемьев

*Заведующий отделом политики
интернет-журнала «Новая политика»*

Наследие российской и коммунистической империй в нашей жизни

Все мы вышли из советского государства и поэтому его наследие для нас действительно значимо. Наблюдая за нашим социумом, приходишь к выводу, что архитипичные структуры сознания меняются крайне медленно. Фактически, в современной России живет советский человек, каким он сформировался в последние десятилетия существования СССР.

Советский человек продемонстрировал удивительную способность, точнее психологическую пластичность и практическую гибкость. Он неплохо чувствует себя в постсоветских реалиях, хотя, может, и сам не осознает этого.

Я бы разделил фрустрации советского человека в постсоветском обществе на реальные и мнимые. Есть проблема, связанная с отсутствием необходимых житейских практик, а есть — обусловленная исчезновением привычных идеологем.

В первом случае нет привычки самостоятельно выстраивать жизнь, умения жить по правилам рынка, существовать в плюралистическом обществе. А во втором — люди ощущают дискомфорт от потери статуса империи, от чувства, что Россия унижена, что она теперь второсортное государство. Эти факторы действуют в разных пропорциях на разных людей и в разное время.

Я знаю немало молодых лидеров и в политике, и в бизнесе, которые не были даже октябрятами и своему успеху целиком и полностью обязаны нынешнему времени. Однако ментально они находятся

в советском времени или ориентируются на ценности советской эпохи.

Можно привести в пример депутатов Государственной Думы, которые заседают уже там пятый срок (я имею в виду фракцию КПРФ), а в прошлом являлись высокопоставленными функционерами. Они прекрасно вписаны в нынешние условия, однако не принимают их, хотя живут так, как и не смели раньше мечтать. Можно вспомнить определенный слой людей среди творческой интеллигенции, которые материально, мягко говоря, не преуспевают, но решительно отвергают советские коллективистские ценности.

Если выходить на некие глобальные обобщения, то можно отметить, что массовое сознание постсоветского человека в современной России отражает переходный характер эпохи. Он хаотичен, разорван, не является устоявшимся. Это некий питательный бульон, способный вскормить что угодно. Предсказать, что получится в итоге, я думаю, невозможно. Когда все более-менее утрясется, мы будем говорить не о постсоветском человеке, а о российском. Мы все с вами являемся участниками этого небывалого социального эксперимента.

Сергей Черняховский

Доктор политических наук

Трансформация общественного сознания

Высшая ценность коммунистической идеологии — что это?

Это свободное неограниченное развитие человека. Та свобода, которая все больше утверждалась в советском обществе, она как раз отражала базовую ценность данного строя и данной идеологии.

Великая советская культура — синтетическая, впитавшая в себя лучшие отечественную и западную традиции. Я считаю, что культура

не пробивалась и не утверждалась вопреки идеологии. У базовой идеологии ценности были как раз ориентированы на интеграцию. Именно идеология сознательно открывала культуре дорогу. Потому, что нет большевика без знакомства с Толстым. При всей своей бесклассовости роман «Анна Каренина», в конечном счете, не противоречит идеям советской семьи. В романе показывается кризис совсем другой семьи, буржуазной.

Можно развести понятия «советского человека» и то, что называют «совком». Советский человек это, действительно, человек мечты, и за нее он способен отдать не только комфорт, но и жизнь. Великая Отечественная война, в конечном счете, была выиграна потому, что накал смысловой, содержательный с «красной» стороны был сильнее. Это была мотивация для жертвы и для освобождения. С «коричневой» стороны была мотивация для убийства.

Вспомните избитый, казалось бы, ленинский тезис «учиться, учиться, учиться...», «коммунистом можно стать, только усвоив все лучшее». Человек, который не базировался на отечественной и на мировой культуре, не был советским человеком. Качество «советскости» — это качество синтеза всего лучшего. Не коллективизм и не индивидуализм. А люди, ставшие личностями, способные соединиться друг с другом в решении общих задач и общего дела.

Советская мифология культивировала образ человека-героя, человека-личности, способного преодолеть все. И в этом отношении, я считаю, идея коллективизма противоречила базовым ценностям коммунизма. Потому, что коллективизм, общинность — это то, что давит над личностью.

Качество «совковости». Оно не определялось известной формулой — «сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст». Потому, что как раз авангард советско-коммунистический развивался с учетом джазовых традиций. Для советского человека характерен был синтез, он мог танцевать джаз, оставаясь ориентированным на подвиг для своей Родины.

Есть две «совковости». Одна — «совковость» человека, который «сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст». А второй

«совок», действительно, из-за того, что он танцует джаз, способен продать Родину.

Вот, по данным ВЦИОМ (май 2008 года), самый любимый вид проведения свободного времени в современной России — смотреть советские фильмы. Более половины населения об этом говорит.

На вопрос: «Если бы вы имели деньги, куда бы вы хотели поехать отдыхать?» до 80% называют те или иные места на территории России. Лишь порядка 10% опрошиваемых хотели бы поехать за границу.

Большая часть населения, отвечая на вопрос: «В какой исторический период бы вы хотели жить?», выбирает советский период. Сейчас появилась достаточно крупная группа, которая выбирает досоветский период, — это где-то до трети населения.

Что же такое, действительно, советская культура и советское начало? Это начало мечты. Ничто постсоветское не может быть антисоветским. Просто потому, что базируется на предыдущем.

Отказ от советского, не в пользу антисоветского, а в пользу скорее надсоветского, и неудовлетворенность этого запроса рождает многие коллизии сегодняшнего дня.

Как вы знаете, были такие клубы любителей фантастики в 80-е годы, и вот один из активных участников как-то рассказывал, что пришел представитель горкома, сказал, что нельзя Стругацких пропагандировать, это нехорошо, не надо этим заниматься. Ему задали вопрос: «Почему? Они же такие коммунистические авторы!» Ответ был: «Ну, они авторы, может, и коммунистические, зато антисоветские».

Братья Стругацкие — один из крупнейших феноменов советской культуры, базовая составляющая их творчества абсолютно просоветская. И важно понять содержание, которое было ориентировано на то, что человек может все, он, действительно, рожден, чтобы сказку сделать былью.

Кстати, обратите внимание, что первая «библиотека советской фантастики», вышедшая в 50-е годы, содержала, на мой взгляд, романтическое начало. И это романтическое начало не противоречило, а культивировалось, в частности, идеологией.

Александр Морозов

Журналист

«Советское»: архаика и идеал

1

Было три «советского». Раннее «советское», с упованием на полное «изменение человека». Оно имело сильные культурные основы, связанные с либеральным движением XIX века. Избавление от всякого гнета, возможность нового общежития людей, нового устройства жизни, которое будет лишено мерзостей, вызванных бедностью, безграмотностью. По существу, это было религиозное упование. К нему апеллировала и советская мифология («Служили два товарища», «Бумбараш»), показывая, какие дивные люди разных сословий повернулись всем сердцем к Октябрю и с ним связали надежды.

Второе «советское» — это попытка Сталина вывести новую породу людей на основе всеобщего милитаризма, службизма, портупейной романтики, начищенных сапог и, по существу, лозунга «наша честь — верность». В тот период были сложены замечательные песни, которые приятно петь до сих пор. В них обо всем говорится в терминах судьбы взрослого человека, а судьба эта полна войной, страданиями, обретениями, любовью, «заводской проходной» и т.д. Третье «советское», которое сложилось после «оттепели» — это крайне двусмысленное, распадающееся нечто, над которым довлел анекдот: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем».

К этому времени никаких «упований» внутри «советского» не было. Была унылая попытка как-то совместить тоскливый пафос официального «советизма» с нарастающим дрейфом к «несоветскому». Была борьба с «вещизмом», «мещанством», дискуссии в газетах на тему «быть или иметь?», попытки апеллировать к «великому прошлому» Октября и Гражданской войны.

К этому времени в каждой общественной группе было свое представление о неправильности происходящего: заводские рабочие видели, что они никакой не «гегемон» и их нагло обманывают, а директор завода вывозит доски на строительство собственной дачи. Научные работники сокрушались о том, что в НИИ 8 из 10 сотрудников просиживают штаны, внешторговцы и моряки жадно впитывали яркие плоды «загнивающего капитализма» и везли их через «железный занавес» на родину.

Однако это «третье советское» теперь, через двадцать лет после его завершения, а главное, после «спазмов капитализма в России», по-разному воспринимается теми, кто и в те времена стоял в разных позициях по отношению к большому целому. Всякая эпоха, как слон из притчи — каждый ощупывает только какую-то его часть.

2

Советское общество было в высшей степени сословным. И были люди в разных сословиях, которые много потеряли. Потеряли ли они из-за смены системы? Видимо, нет. Потому что многие их ровесники из тех же сословий живут хорошо и теперь. И не только в «материальном смысле», но именно в плане реализации личных возможностей, творчества и востребованности своих способностей и талантов.

3

Моя семья — прошла через все этапы и формы «советского».

Мой дед участвовал в октябрьском мятеже в Петрограде, мать — покоряла целину. Мой отчим, с которым я рос с трех лет, был плавильщиком, мастером на металлургических заводах. Он 4-летним ребенком был депортирован из Бессарабии в 1939 году. Их эшелон останавливался по дороге в Казахстан для того, чтобы высадить и расстрелять отцов семейств. И его отец был расстрелян. Мой прадед по матери был расстрелян в 1920 году в Туркестане. Газетные вырезки я стал собирать очень рано. Помню, что с интересом читал статью в «Литературной газете» о романе Солженицына «Август 1914». Это был 1974 год.

Может быть, «советский человек» — это просто человек, особым образом прилаженный к тотальности государства? Но после смерти

Сталина эта «приладка» стала быстро (в смысле исторических сроков) «размонтироваться»...

4

Каково место «советского» в «путинизме»? Мой ответ — никакого. Мне кажется, дело было так.

В первом сроке Путина перед властями стоял вопрос: как отстроиться от «ельцинизма» и от перехода страны под полный контроль извне. Тут была сделана некоторая ставка на организацию низового националистического дискурса. Позже, когда «Родина», а также круг сторонников авторитарной модернизации сыграли свою роль, власти перешли к новому этапу.

Надо было чем-то наполнять «субъектность», и национализм уже не годился. Решили строить «гражданскую религию» — такой набор всеобщих гражданских ритуалов, имен, символов и укорененных слоганов.

Администрация после 2004 года вплотную взялась за «новые ритуалы». Появился День 4 ноября, а «Великий Октябрь» поехал на свалку. Были предприняты разные пробные шаги — перезахоронение Деникина и Ильина, попытки усилить «церемониальность» военных парадов на Красной площади. Стали поощрять молодежные праздники в День св. Валентина и св. Патрика. А теперь вот подоспело и «Имя России», которое, безусловно, также служит нуждам выработки «гражданской религии» для новой России. И надо заметить, что несмотря на тошнотворность этих дебатов — они выполняют свою функцию медленной селекции фигур для нового российского Пантеона. Тошнотворность понятна — ведь речь идет о «массовой культуре». Новый пантеон не может быть советским, но он не может быть и антисоветским. Он должен быть «другим» и при этом «всеобщим». Надо заметить, что «американская гражданская религия» также тошнотворна, но никуда не деться от усилий по созданию каких-то «скреп сознания» для большой территории, населенной разными народами.

Деформированные обломки «советского» проплывают в новой субъектности России наряду с другими обломками. Но сказать, что

происходит восстановление «советского» — нельзя. Это не имеет оснований.

5

Скоро уже 20 лет капитализму в России. Люди старших возрастных групп, к которым принадлежу и я, — сосредоточены в основном на доживании, а именно на содержательном общении с домашними животными. А вот младшие возрастные группы вырабатывают свой смысловой ответ на капитализм.

Как в каждом поколении, ответ на воздействие факторов социальной системы идет сразу по нескольким осям. Молодежь хочет либо денег, либо подвига. Это огрубленная, но в целом верная схема. Капитализм дает возможность заработать и обрести «свободу через деньги». Но не всем. Для остальных встает вопрос о мотивации, о счастье, о самореализации и о том, какими словами называть систему, в которой живешь и в которой всю жизнь придется тяжело и однообразно работать, чтобы обеспечить семью и вырастить детей — как это было с моими родителями в эпоху «советского».

И в настоящий момент, когда «Единая Россия» заявляет о себе, как о консервативной партии, с другого конца социального пространства движутся массы, которые задают вопрос о социальном идеале. Потому что дети с момента покупки им первого мобильного телефона уже понимают: не все станут «олигархами» и не всем удастся ярко стартовать в «Доме-2». Да, возможно, удастся удачно встроиться в систему обслуживания «олигархов» или «звезд», но это не снимет вопроса о том: а куда все это движется, в чем смысл истории и в чем возвышенное предназначение человека во Вселенной.

И вот отсюда-то возникает обращение к разным проявлениям несистемного в прошлом и симпатия к несистемному в настоящем.

Все это я к тому, что «советское», конечно, уже похоронено — сколько бы его обломки не плавали на поверхности социальной жизни. Но вопрос о социальном идеале, конечно, не может быть снят. Потому что это вопрос не политический, а вопрос личного жизненного выбора.

Проблема, коротко говоря, в том, что «советское» постоянно воспроизводило в себе — пусть и ложный, недостижимый, временами угасающий — социальный идеал, близкий по духу к религиозному упованию. И всякий молодой человек был волен самоопределяться по отношению к этому идеалу — верить в него, отвергать, игнорировать. Это был полноценный идеал, который трактовал и будущие формы общежития людей, их самоорганизации, их всемирного братства и взаимной ответственности.

А ведь «капитализм» сегодня — это ясно каждому молодому человеку — существует без всякого идеала, носящего универсальный характер. Эта мировая машина сосет ресурсы снизу вверх, напитывая верхние этажи богатством и оставляя низы на глобальной периферии, — только и всего.

Дарья Митина

Второй секретарь ЦК РКСМ

Советская эпоха в сознании и практике современников

Для всех нас важно, что в нас, в окружающей нас среде мы считаем советским, коммунистическим. Важно то, насколько крепко это укоренилось в сознании и в практике нашей повседневной и культурной жизни.

История знает многочисленные примеры различных революций, но не так уж много, с моей точки зрения, было попыток создать именно нового человека. Много было попыток поменять исторический контекст, поменять уровень производительных сил, какие-то условия человеческого существования. Но феномен создания нового типа личности, нового человека — за это мало кто брался. С моей точки зрения, было две крупные попытки в истории. Это эпоха Возрождения — человек ренессансного типа. Второй феномен создания нового человека — это человек советский.

Что получилось и что не получилось? С одной стороны, явная удача, действительно новый тип личности, новый тип сознания. Поскольку мы все в той или иной степени можем назвать себя советскими людьми, это вернейший индикатор того, что попытка была успешна.

С другой стороны, мы можем провести расставание с советским сознанием, что-то было не продумано изначально.

Что формировало повестку дня на позднем этапе советского общества? Простой пример: журнал «Юность» в последние годы советского периода имел тираж 3,5 миллиона экземпляров и распространялся по всей территории Советского Союза. И дело не в тиражах, дело в том, что журнал формировал действительно повестку дня.

Сейчас тот же самый журнал «Юность» имеет тираж 80 000 экземпляров и распространяется только в России. Существует он не в качестве артефакта, который формирует повестку дня, а в качестве рудимента из прошлого, который ностальгически поддерживается силами тех людей, которым когда-то это было интересно.

Вопрос культурного трансфера.

Мы можем столкнуться с тем, что для наших внуков и правнуков совершенно пустым звуком будут те слова, термины, понятия, ценности и все, что наполняет нашу жизнь.

Эта проблема разрыва поколений совершенно отчетливо встает на повестку дня. Нынешние школьники не знают многих фамилий, книг, фильмов, картин. Не потому, что мы уделяем им мало внимания, не потому, что это недостаток современной школы. А просто потому, что вымывается современным ходом жизни самое ценное, самое для нас дорогое, то, что вымываться не должно.

Отношение советского человека к труду.

Первооснова нашей жизни — это труд: мы все что-то едим, что-то носим, мы сидим за столом, который кто-то создал своими руками.

Хотелось бы вспомнить совершенно свежий документальный фильм австрийского режиссера Михаиля Главугера «Смерть рабочего». Хрестоматийный, с моей точки зрения, фильм. Отношение к тру-

ду современного человека в разных точках земного шара: показан труд самый неквалифицированный, самый такой «униженный и оскорбленный» в разных точках земного шара. Это донбасские шахтеры, бывшие стахановцы, а теперь влачащие жалкое существование, это индонезийские сборщики серы, нигерийские забойщики скота, пакистанские рабочие, которые демонтируют какие-то нефтяные танкеры, китайские металлурги. Разное отношение к труду. Вспоминается средневековая притча. Когда спрашивают трех рабочих: «Что ты делаешь?» Один рабочий говорит: «Я таскаю тяжелые камни в зной, жару, под дождем и т.д.». Другой говорит: «Я зарабатываю себе на хлеб, я обеспечиваю жизнь себе и своей семье». И третий рабочий говорит: «Я строю храм». Вот три отношения к труду.

В фильме то же самое, но что поражает? Нигерийцы, индонезийцы, пакистанцы говорят примерно одно и то же. «Я зарабатываю на хлеб, я кормлю свою семью, я отношусь как к данности, воспринимаю как реальность, потому что работать лучше здесь на прииске, чем идти в какие-то криминальные слои, лежать под мостом». У китайского металлурга миссия: «Моя династия, мой отец, мой дед работали здесь на этом заводе, я на этом заводе работаю, здесь будут работать мои дети и внуки потому, что мы строим светлое общество. Стране нужен металл, стране нужна индустрия».

И единственные из показанных трудящихся, кто свою работу искренне ненавидит, — это донбасские шахтеры, бывшие советские люди. Не потому, что они плохие, не потому, что они деградировали под влиянием чего-то. Потому что нельзя отрывать личность от контекста. Секрет успеха — это единство исторического контекста и типа личности именно в этом контексте. Изменившийся контекст эпохи меняет коренным образом личность. Мы слишком увлекаемся технологиями, ростом ВВП, какими-то достижениями современной индустрии. В то же время мы пытаемся заставить человека стать новым человеком, живя в том же бараке, в каком он жил 10–15 лет назад.

Пока будет сохраняться баланс между личностью и контекстом, все будет получаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская реальность еще вчера была нашей повседневностью. Через пару лет она станет частью национальной истории.

Думается, что подобные дискуссии помогают человеку осознать, кем он является сегодня, в чем проблемы нашего общества.

Массово-политическое издание

**Советский человек в постсоветском обществе:
трансформация массового сознания**

Под редакцией *А.А. Хохлова*
Корректор *Е. Н. Альчикова*
Компьютерная верстка *Т. С. Дорофеева*

Подписано в печать 05.2009
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,5
Тираж 1000 экз.